

Владимир Лукин:

**«Парламент должен
быть полезным для общества»**

II-я встреча
руководителей
парламентов
Большой
восьмерки

В. Лукин
и Генри Кессинджер

– Одним из важнейших вопросов для демократических стран является вопрос о роли парламента и парламентаризма. В сентябре в Париже состоялась встреча руководителей нижних палат парламентов Большой восьмерки, на которой обсуждались важнейшие проблемы современности. Как Вы оцениваете результаты этих дискуссий?

– Я считаю, что парламентская восьмерка – очень полезный форум, на котором избранные парламенты, т.е. нижние палаты, обсуждают очень важные вопросы. В это время Геннадий Николаевич Селезнев открывал Государственную думу, поэтому нашу Госдуму представлял я. Там было две темы для обсуждения: одна из них – финансирование избирательных кампаний. Здесь мнение американской и европейской стороны разошлись: европейцы считали, что надо идти к тому, чтобы ограничивать роль больших денег в избирательной кампании, вплоть до того, что в перспективе просто целесообразно из бюджета финансировать в определенной пропорции политические партии; я, кстати, придерживаюсь такой же точки зрения. Что же касается американцев, они считают, что кто платит, тот и правит, так сказать, а деньги могут быть любыми. Другое дело, что у американцев, в отличие от нас, есть Закон о лоббировании, в котором прозрачно определяется, кто лоббист и связано ли это финансирование партии с последующим проталкиванием законопроектов и т. д., а у нас этого нет. Поэтому ключевым вопросом для нас сейчас является даже не то, кто платит партиям, а как потом эти партии реагируют на законопроекты. Это принципиальный момент. Дискуссия была весьма интересной. А второй вопрос – это парламентский контроль. Тут, конечно, нам похвастаться нечем. Контрольная функция парламента у нас крайне низкая, за исключением Счетной палаты, которая и то обладает ограниченными возможностями по контролю бюджета. Контролирование других сфер деятельности со стороны парламента у нас на значительно более низком

уровне, чем в любой другой европейской стране. Правоохранительные органы фактически не контролируются парламентом. И это свидетельствует о многих нерешенных проблемах, которые сейчас у нас имеются. Спикеры парламентов рассказали, как решаются эти вопросы у них в странах, делились своим опытом.

– Существует мнение, что у нас в Конституции недостаточно четко прописан контроль парламента над исполнительной властью. В одном из своих интервью Вы определили два типа парламента, с точки зрения исполнительной власти – бесполезный и вредный. Не могли бы подробнее прокомментировать этот Ваш тезис?

– На упомянутой встрече делегаты рассказали о тех контрольных функциях, которые есть в западных парламентах. Наверное, наши читатели прекрасно понимают, что одно дело,

Владимир Петрович ЛУКИН

Родился 13 июля 1937 года.

В 1954–1959 гг. учился в Московском Государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина.

В 1963 году окончил аспирантуру, и после защиты кандидатской диссертации был направлен корреспондентом журнала «Проблемы мира и социализма» в Прагу. С 1968 по 1986 гг. работал в Институте США и Канады, в 1987–1988 гг. в аппарате

Верховного Совета СССР.

В течение двух лет работал в Министерстве иностранных дел СССР.

В 1990 году избран депутатом Верховного Совета СССР, где был членом Комитета по международным делам. С января 1992 года — Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в США. В декабре 1993 году был избран в состав Государственной думы. В настоящее время является вице-

спикером Государственной думы, вице-председателем Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии естественных наук, автор более 300 публикаций. Любимые виды спорта: хоккей, футбол, баскетбол. Музыкальные предпочтения: классика и творчество бардов. Владеет английским, французским, испанским и португальским языками.

В. Лукин
и бывший Президент
США Р. Рейган

А.И. Солженицын
с сыном и В. Лукин

когда возникает, например, такая серьезнейшая проблема с правоохранительными органами, как внезапное убийство в Англии человека, который был связан с просачиванием информации о том, что не все в порядке с правительством, и другое дело, когда речь идет о правительственных действиях, которые привели к интервенции в Ираке.

Я думаю, что Государственная дума довольно активно двигалась в последнее время, с точки зрения исполнительной власти, от вредной к бесполезной. Потому что ведь вредный парламент, с точки зрения исполнительной власти, это тот, который не во всем с ней соглашается: бюрократия есть бюрократия. А бесполезный это тот, который во всем с ней соглашается, и поэтому это теряет смысл: зачем он нужен, если и без него все в порядке. Печать думскую поставить? Так это и простой клерк может сделать. Поэтому парламент наш сильно приблизился к характеристике бесполезного. Но я думаю, что парламент для того и представляет общество, которое контролирует власть и ограничивает властные функции бюрократии, чтобы власть его считала вредным. Я буду очень рад, если у нас бюрократия будет побаиваться парламент, считать его вредным, но до определенной черты: той, при которой парламент не будет вступать в открытую конфронтацию и подменять исполнительную власть самим собой. Так тоже нельзя: тогда он будет вредным не для

бюрократии, а для общества. А надо, чтобы парламент был вредным для бюрократии и поэтому полезным для общества, для единства и консолидации усилий нашей страны в целом.

— Известно, что фракция «Яблоко» имеет свою позицию по многим вопросам развития российской экономики. Что бы Вы могли отметить в проекте нового бюджета и какие особенности подхода к нему вашей фракции?

— Как известно, «Яблоко» с почти маниакальным упорством каждый год разрабатывает альтернативный бюджет. Разработали мы его и на этот раз. Он был представлен, за него проголосовали только представители «Яблока». Так бывает из года в год: сначала этот бюджет отвергается, а потом говорят: вы дайте нам ваши соображения, замечания и, вообще, вы молодцы, вы очень здорово, так сказать, анализируете ситуацию. Мы, действительно, неплохо анализируем. Например, в этом году мы увидели, что огромное количество правительственных проектов заведомо сильно занизило доходную часть бюджета. Это связано с тем, что правительство определило низкую цену на нефть, которая на самом деле реально более высокая. А что такое занижить цену на нефть? Это означает создать для себя резерв. Но резерв за счет чего? Недодать учителям, врачам, недодать для решения многих других важных социальных проблем. Поэтому мы и сказали, что бюджетный до-

ход занижен примерно на 80 миллиардов. А из этой суммы, если хотя бы 20 млрд. потратить на социалку, вот вам и решение проблемы увеличения в полтора раза зарплаты учителям и врачам.

— Как, на Ваш взгляд, складываются сегодня отношения между государством и гражданским обществом? Могли бы Вы привести в этой области какие-либо позитивные примеры?

— Я бы очень хотел привести позитивные примеры. Но их, к сожалению, у нас немного, и в голову они сейчас не приходят. Я думаю, что, пожалуй, позитивным примером является недавняя инициатива нашей прессы и группы парламентариев, которые в Конституционном суде опротестовали закон, принятый Государственной думой: избирательный закон, по которому средства массовой информации были чрезмерно ограничены в своей деятельности. Это явно носило неконституционный характер. Это была инициатива средств массовой информации. Они обратились в государственный орган — Конституционный суд, и тот во многом с ними согласился. Это очень хороший пример сотрудничества гражданского общества и государственных органов. Поэтому я очень рад, что в нашей беседе можно назвать, по меньшей мере, один очень важный государственный орган, к которому можно от-

носиться с уважением. Что же касается отрицательных примеров, их, конечно, значительно больше сейчас. Главный из них – это то, что государство, бюрократия недостаточно прислушиваются к тому, что говорят в обществе, все меньше обращают на него внимания. Если же слушать только бюрократию, то мы идем от победы к победе; а большинство народа, к сожалению, так не считает. Вот это настоящая проблема, я бы сказал, проблема такого демонстративного пренебрежения мнением общества.

– Отдельная тема – деятельность Комитета по международным делам Государственной думы. Что Вы, как человек, посвятивший много лет практической дипломатии, написавший немало работ по актуальным проблемам международных отношений, думаете о современных задачах российской внешней политики, о роли парламента в их решении? Понятно, что это отдельная тема; и все-таки, что бы Вы могли выделить в качестве наиболее значимых моментов в этом плане?

– Да, действительно, это отдельная тема и, так сказать, в целом две темы. Во-первых, – наша внешняя политика вообще, и, во-вторых, – деятельность Комитета по международным делам последнего созыва. Что касается нашей внешней политики, то я разделяю действия Президента по этому вопросу. Ориентация на сотрудничество с европейскими государствами, Соединенными Штатами, североатлантическим сообществом, особенно, что касается борьбы с терроризмом – это правильная стратегическая линия. Другое дело, что у нас есть серьезные разногласия в том, как понимать коалицию. Есть тенденция у некоторых, особенно американских, политиков приватизировать эту коалицию, тему борьбы с терроризмом. Но это уже внутренние факторы; а стратегия, в принципе, совершенно правильная, потому что и нам, и им грозят одни и те же опасности: и у нас взрывают, и у них взрывают. Что же касается конкретных вопросов, то, разумеется, нам нужна такая политика, которая полезна нашему государству. Нынешняя стратегия нашей политики должна состоять в чем? В том, что-

Перед конференцией по вопросам безопасности в МГИМО с Министром иностранных дел И. Ивановым

Таджико-Афганская граница

С Мстиславом
Растроповичем

Во время
Олимпийских игр
в Солт-Лейк Сити.
2002 г.

Если обнять
железный столб,
станешь счастливым!
Индия.

бы создать оптимальные условия для того, чтобы в 10–15 лет наша страна повторила, условно говоря, китайское или японское чудо; с тем, чтобы она вышла в разряд передовых держав XXI века. Для этого нам надо делать то, что делали китайцы и японцы во внешней политике: они не заявляли шумной, так сказать, амбициозной, претенциозной политики, перешли к тихой дипломатии на 10–15 лет – сначала японцы, потом китайцы. Это не значит, что не надо высказывать своих точек зрения; это не значит, что не надо отстаивать своих принципов. Это значит понимать, что главные интересы – это увеличить материальную, экономическую, силовую свою базу для того, чтобы отстаивать свои интересы в мире и технологически модернизировать эту базу. Вот это главный аспект. И все то, что льет воду на мельницу такой политики, естественно, я поддерживаю, и «Яблоко» поддерживает. Но тут есть одна проблема: нельзя проводить в течение длительного времени во внешнем плане европейскую или американскую политику. Интересы этих стран сильно расходятся, рано или поздно это обязательно происходит. Рецидив такого расхождения мы, к сожалению, видим сейчас.

Поэтому тут нужно постоянно координировать внешнюю и внутреннюю политику и нацеливать ее на интересы России прежде всего в мире. Не на интересы той или иной группы в то или иное время, тех или иных карманов, а на стратегические интересы России. Что касается Комитета по международным делам, мне не очень удобно комментировать его деятельность, потому что я сам был его председателем в течение трех созывов Думы. Могу сказать одно: я не сторонник большой пиротехники, не люблю чрезмерного вспышкичества и, я бы сказал, жириновщины во внешней политике. Я предпочитаю все-таки такую ситуацию, при которой надо помогать нашей внешней политике, а не заниматься публичным шумом. Возможно, во внутренней политике такая деятельность, граничащая с клоунадой, допустима; но в международных делах, в конечном счете, пагубна. Я понимаю, что Комитет по международным делам – это не МИД, и тут можно значительно более широко ставить вопросы. Но все же их нужно обсуждать широко и не по-мидовски, хотя и достаточно ответственно, зная, так сказать, чувство меры, которое отделяет холодный огонь пиротехники от реальных дел.

– Владимир Петрович, Ваша основная деятельность и общественные нагрузки занимают все основное время. Остается ли возможность для творчества? Что сейчас осуществляется в научном плане? Как проводите время, когда выпадают свободные минуты?

– Да, к сожалению, для научной работы времени нет. Что же касается творчества, то я – пассивный творец, потому что, если говорить об искусстве, я в основном потребитель, а не производитель. Но потребляю я с большим удовольствием.

– А что, кстати, предпочитаете?

– Я практически всеяден. Очень люблю серьезную музыку, бардовские песни, у меня много знакомых бардов еще со времен института. Я очень люблю, конечно, театр, хотя времени на посещение очень мало. Был на позапрошлом Грушинском фестивале (авторской песни), и мне даже была предоставлена возможность на гитаре взобраться (это специально подготовленная сцена), что является признаком уважения. Ну, благо, мои друзья – Виктор Берковский, Александр Городницкий, Юлий Ким вытащили меня туда. Что в научном плане осуществляется? Иногда пишу статьи. Это единственное, что могу сделать. Когда был создан журнал «Россия в современном мире» – сейчас довольно интересное издание – я написал в первом номере статью, которая, по-моему, получилась, судя по интересным отзывам. Вообще она носила концептуальный характер.

Так что иногда статьи удается писать, на книги времени не хватает. Я могу только с глубоким восхищением, смешанным с чувством некоторого изумления, смотреть на то, как активные политические деятели выдают книгу за книгу. Я так прикинул про себя и подумал, что им надо сидеть днями и ночами, только чтобы писать книги. Когда же они делают все остальное, мне совершенно непонятно. А я старорежимный человек: привык к тому, что если статью подписываешь, то ты ее же и пишешь. Другого как-то я не понимаю. В свое время министр иностранных дел, не буду называть его фамилии, написал мемуары, будучи на этом посту. Когда меня спросили, прочитал ли я эти мемуары, я сказал, что нет. Почему? А просто потому, что мемуары, которые пишет действующий политик или крупный государственный деятель, не могут быть интересными.

В период пребывания автора у власти, мемуары могут быть только двух типов: либо банальные, либо контрпродуктивные. Если они банальные и там ничего нет, то тогда зачем берешься писать? Если там что-то интересное, о людях, о себе и т.д. – они абсолютно контрпродуктивные. Поэтому я немножко подожду. Вот если меня на этих выборах не изберут, тогда займусь чем-нибудь более активно в этом плане. А пока я, как скучный человек, занимаюсь тем, чем занимаюсь. Свободное время я провожу в двух вариантах. Когда настроение хорошее, гуляю – я очень люблю гулять. И иногда играю в футбол, хоккей, бегаю трусцой. Жду с нетерпением зимы, чтобы встать на коньки вместе с двумя сыновьями, с внуком. Мы гоняем в хоккей на вполне приличном дворовом уровне. Мне не дадут соврать, что я стараюсь им не уступать в этом деле.

– Нашим читателям хотелось бы узнать побольше о Вашей семье.

– Со своей женой я познакомился в педагогическом институте, и с тех пор мы вместе. Мы оба с историко-филологического факультета, но не однокурсники. Она помоложе. У нас два сына, один из них окончил Оксфорд, правда, не на папины деньги, а выиграл там конкурс и защитил диссертацию, сейчас преподает в МГИМО. А второй сын также защитил диссертацию, он историк, написал книгу по истории России времен Алексея Михайловича. Интересная книга и современная. Ее даже одобрил Александр Исаевич Солженицын: звонил и сказал, что книга хорошая. Так что младший сын, действительно, человек способный и, по-моему, единственный настоящий ученый в нашей семье. У нас – у меня и у старшего сына – все-таки не очень прислоняется одно место к стулу – мы подвижные люди. У младшего, так сказать, оно в полном порядке. Живем мы в квартире моих родителей. Ничего не получил себе за свои политические годы. Да, я настоящий доктор исторических наук, профессор – но это тоже не имеет никакого отношения к политике.

Знаете, в свое время Конфуция спросили: «Что бы ты сделал, когда бы пришел к власти?» Он ответил: «Первым делом, я бы придал словам их первоначальный смысл». Вот я думаю: политик должен быть политиком, профессор – профессором. Если профессор становится политиком, он не должен становиться академиком. Судья должен быть судьей, а не мальчиком или девочкой на побегушках по вызову. Вот как только это все произойдет, тогда мы и жить будем хорошо.

Беседовал Юрий ВАСИЛЬЕВ

В. Лукин на пресс-конференции

Во время интервью для журнала «Признание». В. Лукин и Ю. Васильев